

УДК 152.3.+13.0

О.А.Белобрыкина

Новосибирский государственный педагогический университет

МИФ О РУССКОМ ЧЕЛОВЕКЕ И БУДУЩЕМ РОССИИ

В статье рассматривается вопрос о постсоветской мифологии в России и ее роли в формировании самосознания подрастающего поколения. Рассуждения подкреплены данными пилотажного исследования ценностных ориентаций студентов-психологов.

«Русский человек - это болезнь, притом очень заразная! Он дышит, живет! Он любит! Это значит - пока мы любим, мы непобедимы».

(Сентенция, рожденная студентами в групповой дискуссии по проблемам социальной психологии)

Существовавшая в социалистический период развития России мифология (основной миф - идея коммунистического торжества и сопровождающие ее миф о герое, а следовательно, и миф о русской непобедимости) уходила со сцены общественно-политической жизни страны долго и в мучительных конвульсиях. С особой остротой переживаемый страной политический, экономический, культурный, нравственный кризис сказался на подрастающем поколении, ведь у него отняли самое главное, без чего не может состояться ни один человек - образ совершенной (идеальной) представленности собственной жизни, образ взрослости. Если учесть, что идеальная форма есть не что иное, как культура, то можно утверждать, что именно культурной платформы лишено сегодня в Российском государстве детство, отрочество и юность современного поколения.

Как отмечает Б.Д.Эльконин, «вне образа взрослости нет авторитета взрослого - опоры его власти; власть становится формальной, ни на чем не основанной, и вырождается в агрессию» [5, с. 9]. Очевидно, вне мифа, в котором сосредоточен идеальный образ (проект) будущего (как отдельного

человека, так и конкретного общества, страны), оказывается значительно затруднена и реализация, «совершение» настоящего, поскольку потеряны осмысляющие и организующие его начала. Именно такую тенденцию к «культурному вакууму» мы наблюдаем в России уже не одно десятилетие. Утрата основного мифа и невозможность на государственном уровне создания нового, альтернативного прошлому, привела к активному размножению субкультур - криминальной, богемной (новые русские), сектантской, мафиозной, наркотической и т.п. Их специфика, как показано в уникальном исследовании Т.Б.Щепанской (1993), состоит в том, что они являются локальными коммуникативными системами, расположенными (и функционирующими) вне рамок основного государственного устройства. Это означает, что каждая субкультура не только вынуждена создавать, но и быстрыми темпами создает свой миф. Причем, несмотря на общие целевые основания существующих ныне субкультур, мифы, созданные в каждом из пространств сообщества андеграунда, настолько полярны, что при вероятности использования их в качестве источника для единой мифологической системы официальное общество столкнется с серьезными затруднениями, если вообще будет возможно сам факт налаживания совместных коммуникативных связей. Другими словами, мифология современного Российского общества диссоциирована и противоречива настолько, что создание целостного образа русского народа (как основы самоописания российского общества и идеальной формы национальной идентичности человека) вряд ли будет возможно в самое ближайшее время. Расплата же за отсутствие или потерю целостности приходит очень быстро.

Достаточно показательным в этом смысле мнение студентов - будущих психологов, которым, собственно, и предстоит «лечить» завтра испорченные вчера и сегодня души людей. Опрос 96 студентов (средний возраст - 21 год) позволил представить обобщенный характерологический портрет русского человека. Первичный анализ показал, что образ русского человека в представлении студенческой молодежи чрезвычайно противоречив. Так, одни указывают на свойственное ему дружелюбие («дружелюбие», «доброта до глупости»), оптимизм («умеет надеяться на лучшее, не исключая худшего»), целеустремленность, высокую адаптивность, стремление вступить в борьбу за правду, открытость («широкая душа», «душа нараспашку»), честность («совестливость») и бескорыстность («самоотверженность»); тогда как другие, наоборот, на озлобленность русского человека, свойственный ему пессимизм («апатичность», «отсутствие смысла», «потерянность в жизни», «страх перед будущим»), лень («праздность»), конформность, подозрительность, лживость («несправедливость», «аморальность») и эгоцентризм («амбициозность», «наглость»).

Однако, несмотря на амбивалентную сущность образа русского человека, практически все испытуемые видят за Россией *большое будущее*, что, собственно, не противоречит потенциальной сущности любого мифа

(к этому аспекту мы вернемся чуть позже). Анализ субъективных ценностей показывает, что наиболее значимыми для современной молодежи (в частности, студентов-психологов) выступают любовь, счастье, здоровье, семья, мир, доброта, (внутренняя) гармония, способность развиваться, свобода, порядок, творчество, верность, надежность, искренность, интересная работа. Причем категории «здоровье», «семья», «возможность самореализации» отнесены на первые три места, тогда как ценность «материального благополучия» (материальная независимость) занимает место в диапазоне от 4 до 6 позиций.

Примечателен и образ героя, представленный студентами в сочинении на тему «Герой нашего времени». Современная молодежь, как это ни парадоксально, считает героями таких людей, которые «умеют выживать, несмотря ни на что и даже вопреки всей абсурдности происходящего в России». Оказывается, что «способность оставаться человеком», «протянуть руку помощи ближнему», «не сквернословить» - уже само по себе героический поступок.

В целом, результаты пилотажного исследования подтверждают предположение о том, что наше общество до сих пор пребывает в галлюцинаторно-иллюзорном состоянии надежды на «светлое будущее». Именно подобные проявления «коллективной души», соборности как отличительные ментальные характеристики сознания русского народа дают повод политикам разных уровней без зазрения совести спекулировать мифами миролюбия, ненасилия, экологии души человека. Подобную мифологию стало модно заявлять как основу политических действий, особенно в период предвыборной борьбы.

Следует отметить, что, не смотря ни на какие общественные катаклизмы, процесс мифотворчества - бесконечен. Он существует и ныне, однако современные мифы имеют особый характер. Миф как феноменологическое явление культуры представляет собой реализованную в бессознательном какую-либо потребность, мечту человека. Однако наиболее важным представляется значение мифа как бессознательно актуализированной способности человека к «чудесному преобразованию» посредством сопричастности к мифическим героям. Не являясь продуктом работы человеческого мозга, миф, полагает А.Ф.Лосев, есть не что иное, как естественная природная способность, трансформированная обществом и психикой каждого человека в образ [2]. Очевидно, именно этот аспект и положен в основу функционирования механизма идеологической «обработки» масс. Не случайно политики все чаще в качестве имиджмейкеров привлекают именно профессиональных психологов - кому, как не специалистам, знать не только вершинные, но и глубинные механизмы человеческой психики.

Основная цель любого предвыборного или идеологического блока заключается в создании такого образа политика (включая его окружение, его деяния), который бы соответствовал современному состоянию

коллективной души, современным формам представленной в культуре мифологии. Психологи не только тщательно создают образ национального героя - «истинно народного политика», но и готовят к восприятию и признанию этого образа избирателей разных возрастных групп. Причем «обработка» сознания обывателя осуществляется методично, дифференцировано и с учетом индивидуального подхода: одних - кто постарше - «помещают» в ностальгический транс, других - кто помладше - авансируют признанием статуса их мифологии. Потенциальная сторона мифа в том и заключается, что «возможность» как категория, как способ решения гнетущих проблем и спасения задает образу ореол исключительности, заставляет человека (на уровне бессознательного) стремиться и бороться. Именно поэтому, связывая образ с чудесной возможностью, имиджмейкеры добиваются значительного усиления его эмоционального воздействия и на отдельного индивидуума, и на общество в целом.

Политическая игра «в героя», спекуляция верой человека в некий Абсолют рассчитана с математической точностью, ведь, если бы в человеке не была подсознательно заложена психологическая потенция силы и спасения, он потерял бы и веру в жизнь, и веру в бессмертие [3]. Однако исторические факты свидетельствуют, что в идеологии наиболее бесчеловечных государств всегда с особой остротой звучал именно пафос героизма. Уместно здесь вспомнить и слова Б.Брехта, считавшего, что плоха не та страна, в которой нет героев, а та, которая в них нуждается [1].

Так нужны ли нам герои - мифические и реальные? Обидно за державу, в которой те, кто ответствен за душу, культурное и национальное самосознание народа, вынуждены создавать новый миф о герое, предельно далекий от нравственных оснований.

Литература

1. Большая книга афоризмов /Сост. К.Душенко. - М.: Эксмо, 2003.
2. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. - М.: МГУ, 1982.
3. Флоренский П.А. Христианство и культура. - М.: АСТ, 2001.
4. Щепаньская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. - СПб.: Наука, 1993.
5. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития //Вопросы психологии. - 1992. № 3-4. - С. 7-13.